№ 7. Изданія годъ 1-й. Понедѣльникъ 8 мая 1917 г. Цѣна 5 коп.

ВОЛЯ и ДУМЫ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНИКА

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Подписная плата
съ пересылкой и доставкой
съ 1 мая до конца г. 6 р. —
на 4 мѣсяца. . . . 3 р. 25
» 3 » . . . . 2 р. 75
» 2 » . . . . 1 р. 90
» 1 » . . . . 1 р. —
Телефонъ №1.60.83.
Редакція для личныхъ объясненій отъ 12 до 2-хъ час. дня.

Адресъ редакціи и Конторы:
Москва, Старая Басманная, домъ 11, Управленія Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной жел. дор.

Объявленія.
На первой страницѣ за строку петита . . . . . 1 р. 50 к.
Позади тек. строку петита 1 р.
Лица ищущія труда 60 к. за разъ въ три строки свыше по общей расцѣнкѣ.
Контора газеты открыта отъ 10 час. дня до 4 час. веч.

Товарищи желѣзнодорожники, въ чемъ наша воля?—Развозить по рельсамъ съ быстротою вѣтра и метать по проволокѣ съ быстротою молніи—ВОЛЮ НАРОДА. Въ чемъ наши думы? Наши думы, какъ и думы народа—въ единеніи, свободѣ и правдѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе техническихъ затрудненій и недостачи типографскаго матеріала газета «Воля и Думы Желѣзнодорожника» будетъ выходить временно 3 раза въ недѣлю.

Подписавшимся до 1 мая дополнительно будетъ дослана газета до № 9-го включительно.

Подписавшимся на болѣе продолжительные сроки будетъ выслано отдѣльное приложеніе къ газетѣ.

Коалиціонное министерство какъ будто, сформировалось.

Большинство въ немъ—буржуазное, это, намъ ясно.

Что же, мы—выиграли или проиграли отъ происшедшей перемѣны въ составѣ Правительства?

Несомнѣнно, что посылка соціалистовъ въ буржуазное гнѣздо вообще полезна,—но насколько?

Вѣдь въ составѣ правительства ихъ голосъ будетъ слишкомъ слабъ. Какая же можетъ быть при такихъ условіяхъ законодательная работа правительства, удовлетворяющая требованіямъ широкихъ массъ населенія?

Но можно ли сказать, что вступленіе соціалистовъ въ министерство есть грубая ошибка?

Я не думаю. Если бы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ необдуманно,—другое дѣло; но надъ нимъ думали и долго думали, слѣдовательно, тутъ не непростительная ошибка, а сознаніе широкихъ массъ.

Пусть это сознаніе въ настоящій моментъ вылилосъ въ неправильную форму,—а это истина,—но пока пролетарскіе легіоны еще недостаточно сорганизованы для проведенія рѣшительныхъ соціальныхъ реформъ, ошибка эта допустима и, можетъ быть, еще повторится.

Такимъ образомъ, здѣсь не ошибка, а неизбѣжное зло.

Вступленіе въ министерство соціалистовъ—зло потому, что этимъ вступленіемъ пролетарскія силы распыляются, а революціонное творчество его переживетъ заминку.

Но при создавшемся положеніи отъ посылки соціалистами своихъ представителей въ составъ правительства нельзя уже отказываться, а въ будущемъ—тѣмъ болѣе.

Конечно, правительство въ прежнемъ своемъ составѣ, устами буржуазныхъ газетъ говорившее, что... «дальнѣйшій ходъ событій ведетъ не къ сверженію правительства, а къ анархіи, но путь этотъ проведетъ черезъ кровавую междуусобицу, такъ какъ на той и на другой сторонѣ *физическая сила*»,—было правительствомъ явно контръ-революціоннымъ и нельзя было его оставлять у власти.

Пока же пролетарскія силы недостаточно сплочены, нужно было только измѣнить составъ прежняго временнаго правительства, угрожавшаго интересамъ всего пролетаріата, въ сторону его демократизаціи.

Однако посылка соціалистовъ въ составъ правительства не измѣнила нашего отношенія къ правительству вообще, также какъ не измѣнила нашихъ задачъ.

Каковы же наши задачи?

Задачи все тѣ же: самодѣятельность пролетарскихъ массъ.

Правительство по прежнему должно оставаться въ сферѣ ограниченной исполнительной власти, вся же законодательно-творческая работа должна быть сосредоточена въ Совѣтѣ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ; когда же будетъ созданъ Совѣтъ этихъ Совѣтовъ—она должна перейти къ нему.

Это необходимо, ибо мы, вполнѣ довѣряя нашимъ товарищамъ, вошедшимъ въ министерство, не можемъ положиться на все правительство въ цѣломъ, такъ какъ вообще нельзя допустить и мысли, чтобы незначительная группа людей съумѣла справиться со всѣми тѣми грандіозными задачами, къ разрѣшенію которыхъ понуждаетъ насъ жизнь.

Только самодѣятельность, только единство и сознаніе своихъ обязанностей можетъ вывести насъ на широкую дорогу жизни, гдѣ не будетъ слышно полицейскаго духа.

Товарищи, не медлите же и создавайте организаціи, ибо только черезъ наши пролетарскія организаціи мы достигнемъ самоуправленія и устранимъ всѣ контръ-революціонныя потуги, и нашу революцію минуетъ участь Европейскихъ революцій.

Товарищи, больше самодѣятельности, больше иниціативы.

Казиміръ Ковалевичъ.

Наши ошибки.

Съ момента вступленія Россіи на новый обновленный путь многія наши жел. дор. организаціи пошли явно по неправильной дорогѣ. Образовывая мѣстные комитеты, нѣкоторые изъ служащихъ считали почему то своей прямой обязанностью избирать своихъ непосредственныхъ начальствующихъ лицъ, возлагая на нихъ большія надежды.

Думали, что они только и могутъ быть защитниками нашихъ интересовъ, нуждъ и запросовъ, которые неотложно требуется провести въ жизнь трудящемуся низшему классу желѣзнодорожниковъ, и избирали въ члены комитетовъ начальствующихъ лицъ. Теперь же, послѣ двухъ-мѣсячнаго существованія комитетовъ, сознана допущенная ошибка, но поздно. Избранное начальство, не только не стремится поддержать работу образованныхъ комитетовъ, но даже какъ бы тормазитъ ее. Это явленіе, конечно, вполнѣ понятно, если принять во вниманіе разницу въ положеніи по службѣ.

Начальство съ высокомѣрными взглядами—начальствомъ и останется.

Оно не можетъ понять нашихъ нуждъ! Но совершившійся фактъ на лицо. Начальство по службѣ,—стало начальствомъ и въ комитетахъ... Вотъ по такому то пути, на ряду со многими служащими разныхъ станцій, пошли и товарищи желѣзнодорожники ст. Новочеркасскъ Юго-Восточн. ж. д. Съ перваго дня революціи, окончившейся полной побѣдой народа, служащіе этой станціи нѣкоторое время находились въ полной разобщенности. Съ большихъ и маленькихъ станцій ежедневно поступали призывныя телеграммы объ организаціи мѣстныхъ ж. д. комитетовъ; поступали извѣщенія объ организаціи у нихъ комитетовъ. Новочеркасцы молчали. И лишь спустя недѣлю—двѣ, удалось устроить нѣсколько общихъ собраній, на которыхъ и было рѣшено, наконецъ, образовать свой комитетъ. На этихъ немногихъ собраніяхъ и выявилась та разрозненность, въ которой находились служащіе названной станціи. Приходилось слышать откровенныя признанія о незнаніи своихъ товарищей, которыхъ можно было бы избрать въ свой комитетъ. Объяснить такое явленіе можно лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что та забитость и тотъ гнетъ, подъ которыми находились новочеркасцы, крѣпко еще властвуютъ въ ихъ умахъ и отрѣшиться отъ старха за будущее и боязни за настоящее, они еще не рѣшились... Начальствующія же лица на происходившія собранія смотрѣли равнодушно и въ желаніи служащихъ образовать комитетъ видѣло какъ бы пустую дѣтскую затѣю и самымъ рѣшительнымъ образомъ воздерживалось отъ участія въ выборахъ членовъ комитета. Въ такомъ положеніи находилось дѣло по организаціи комитета въ теченіе двухъ недѣль. Впослѣдствіи же, преодолѣвъ всѣ препятствія, комитетъ все таки былъ избранъ и благодаря настойчивой агитаціи нѣкоторыхъ товарищей, начальствующія лица въ него не прошли. И ,послѣ непродолжительнаго времени видно было, что комитетъ—это не пустая и не дѣтская забава, на который можно смотрѣть снисходительно и свысока, какъ то думало начальство, а сплоченный кружокъ лицъ, которыя могутъ постоять за интересы избравшихъ ихъ товарищей, что онъ, насколько хватитъ силъ и возможности, будетъ твердо стоять на стражѣ справедливости, ограждая своихъ товарищей отъ защитниковъ вчерашняго произвола. Поняли это мѣстные юпитеры и, скрывъ въ своихъ темныхъ душахъ страхъ, злобу и негодованіе, стали добиваться, въ свою очередь, того, чтобы и имъ въ комитетѣ было предоставлено мѣсто, какъ отъ группы начальствующихъ лицъ, обладающихъ большею образованностью, понятіями и умѣніемъ быть полезными въ организаціонныхъ работахъ. Прислужники ихъ, поддерживая просьбу начальниковъ, заявляли на собраніи что чуждаться начальствующихъ лицъ нельзя, ибо они болѣе интеллегентны, и своимъ присутствіемъ въ комитетѣ только лишь облагородятъ его.

Каялись и юпитеры, говоря, что они такіе же труженники какъ и всѣ, что они также вышли изъ тѣхъ же низшихъ служащихъ, надъ которыми имъ приходится теперь начальствовать.:. Каялись и какъ бы подачки просили: не отталкивайте молъ насъ, примите къ себѣ мы будемъ вамъ полезны.

Вы вѣдь низшіе служащіе наши истинные друзья, а мы забудемъ прошлое и работать будемъ съ вами!

И вняли пѣснѣ льстивой этой новочеркасцы, дали мѣсто юпитерамъ въ комитетѣ сверхъ избранныхъ ранѣе своихъ товарищей, забывъ тѣ тяжелые мрачные дни, дни произвола и насилія, каковые также поддерживали до нѣкоторой степени и эти юпитеры, такъ радушно принятые теперь въ комитетъ.

Печальное явленіе—но фактъ.

Войдя такимъ образомъ въ комитетъ, начальствующія лица прежде всего настояли на переизбраніи президіума, смѣнивъ предсѣдателя изъ среды рабочихъ—сознательнаго и дѣлового товарища, и провели своего.

И какая будетъ дальнѣйшая работа «облагороженнаго» комитета, говорить пока воздержимся; но уже замѣтно, что, какъ показало время, торможеніе въ работѣ комитета уже началось: рѣдкіе созывы общихъ собраній, стараніе держать членовъ комитета въ бездѣятельности, непредпріимчивость въ проведеніи въ исполненіе намѣченной ранѣе программы, неразсмотрѣніе жалобъ, поступающихъ отъ низшихъ служащихъ на дѣйствія начальствующихъ лицъ, и нежеланіе объединить всѣ службы въ достиженіи насущныхъ потребностей,—все это является безспорнымъ вліяніемъ «интеллегентнаго» начальства, взявшаго въ свои руки руководительство въ работѣ новочеркасскаго комитета.

БИБЛІОТЕКА

Поняли это новочеркасцы, но исправить ошибку свою не рѣшаются.

Товарищи! Пока не поздно исправляйте свои ошибки. Знайте, что начальники прежнихъ порядковъ насъ не поймутъ и намъ самимъ нужно ковать свое счастье, благополучіе, путемъ тѣснаго единенія и дружной сплоченности.

Начальники же, въ силу необходимости, вынуждены прикрыться личиной добродѣтели и сочувствія къ своимъ подчиненнымъ, тая въ своихъ зачерствѣлыхъ сердцахъ злобу и ненависть къ тѣмъ, кто стремится создать одну лишь единомыслящую желѣзнодорожную семью, тѣсно идущую вмѣстѣ съ остальными гражданами къ достиженію счастья и благополучія обновленной Россіи.

Изольдинъ.

Впередъ къ братству народовъ.

Отношеніе трудящихся массъ къ совершающейся ломкѣ стараго царскаго деспотизма не можетъ быть инертнымъ потому, что жизнь властно требуетъ отъ насъ стряхнуть все то, что такъ или иначе способствовало буржуазнымъ классамъ владычествовать надъ трудящимися. Поэтому голосъ каждаго мыслящаго человѣка желающаго только пользы другимъ долженъ всегда и всюду критиковать дѣйствія лицъ уполномоченныхъ къ проведенію въ жизнь основъ демократизаціи страны. Послѣдній конфликтъ между Совѣтомъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ съ одной стороны, и Временнымъ Правительствомъ съ другой, ясно доказалъ, что массы строго слѣдятъ и будутъ слѣдить за пріемами управленія страной и не допустятъ къ какимъ-либо уклоненіямъ, противнымъ интересамъ всего человѣчества.

Русскій пролетаріатъ, доказавшій въ первые дни революціи свою зрѣлость, долженъ показать всему міру примѣръ всеобщаго братства и можно не сомнѣваться, что русскій мужикъ (русская «сѣрая скотинка»), русскій рабочій выведутъ Россію къ свѣтлому будущему, направленному къ уничтоженію **царизма, милитаризма и капитализма.**

Привѣтъ отъ насъ братству народовъ всѣхъ странъ.

В. Михайловъ.

Хроника.

СЪѢЗДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЕЙ МѢСТНЫХЪ И УЧАСТКОВЫХЪ КОМИТЕТОВЪ М.-КУР., НИЖ., МУР. И ОКР. Ж. Д.

2-го мая Центральнымъ Комитетомъ былъ созванъ съѣздъ предсѣдателей Комитетовъ съ линій для выясненія положенія организацій и всесторонняго освѣщенія хозяйственной части дорогъ.

Изъ сообщеній съ мѣстъ выяснилось, что хотя дѣло организаціи и стоитъ на правильномъ пути, но оставляетъ желать много лучшаго, такъ какъ еще на линіи—реакція не совсѣмъ задавлена и старается вредить организаціи желѣзнодорожниковъ.

Хозяйственная часть дорогъ пришла въ такой упадокъ, что при всемъ желаніи и напряженіи всѣхъ силъ—питать надеждъ на скорѣйшее улучшеніе хозяйства—не приходится.

Принимая въ соображеніе такое далеко неотрадное положеніе—рѣшено просить Ц. К. послать депутатовъ въ Петроградъ въ С. Р. и С. Д. и къ М. П. С. съ опредѣленнымъ наказомъ чтобы за организаціей ж. д. было признано право на самоуправленіе и проведено немедленно въ жизнь улучшеніе экономическаго быта служащихъ. Ц. К., соглашаясь съ желаніемъ съѣзда, отправилъ въ Петроградъ съ наказомъ депутатовъ Двумянцева, Александрова, Селяхъ и Абрамова.

3-го мая Мѣстный Комитетъ Управленія М.-Курской ж. д. постановилъ просить президіумъ въ лицѣ Курицына, Давыдова, и др. сложить полномочія. 4-го мая предсѣдателемъ Комитета избранъ Мусатовъ. 5 мая произведены выборы другихъ членовъ президіума. Выбраны: тов. предс. Лысикъ и Абрамовъ; секретарями: Жирновъ, Зоткинъ и Рубиновъ.

Утеряна 3-го мая сего года членская книжка О-ва Кооперація за № 15494, прошу считать ее недѣйствительной.

Чего она плачетъ.

Разсказъ изъ жизни стараго режима.

Ольга Сергѣевна сидѣла на длинномъ сундукѣ у окна въ комнатѣ своей казенной квартиры и чинила дѣтское пальтишко.

На кругленькомъ ея личикѣ, красиво и нѣжно очерченномъ, и въ свѣтло-голубыхъ задумчивыхъ глазахъ-свѣтилась невѣдомая и тяжелая грусть.

Глаза ея были широко раскрыты и на рѣсницахъ ихъ сверкали искорки слезъ.

Видно было, что въ кругленькой ея головкѣ рѣяли невеселыя мысли.

Временами она опускала свою работу на колѣни и вперяла свой неподвижный взглядъ въ окно, за окно, туда на просторъ, широко растилавшейся передъ окномъ второго этажа Украинской степи.

Взоръ ея какъ бы застывалъ и глаза и лицо становилися невыразимо и скорбно величавыми. Такъ отчетливо въ нихъ выражалась скорбь, свѣтилось что-то нерадостное, что-то невеселое.

Къ Ольгѣ Сергѣевнѣ подбѣжала 6-ти лѣтняя дочурка Надя и пристально посмотрѣвъ на мамино лицо, быстро отбѣжала въ другую комнатку—кухню, гдѣ играли ея меньшіе и старшіе братишки и сестрицы, въ полголоса проговорила имъ —«мама чего-то плачетъ!».

Дѣтки безмятежно—игравшія въ кухнѣ, оставили свои игры, свои дѣтскія занятія, и гурьбой окружили маму. — Мама, ты опять плачешь! и чего ты всегда плачешь! Перестань, мамочка, а то и намъ хочется плакать, когда ты плачешь, намъ не весело, перестань, мамочка. Лепетали взволнованными голосками эти милыя ангелы дѣти.

Дѣтки не разъ видали слезы и тихій плачъ своей мамы и всегда эти ея слезы наводили на непорочныя ихъ дѣтскія души непонятную жалость и они переставали играть, опускали рученки и забившись въ углы квартиры, начинали плакать.

Только бѣловолосая шестилѣтняя Надюся, бѣжала къ мамѣ охватывалась обѣими рученками за ея платье, и пытливо дрожащимъ голоскомъ вопрошала.—«Мама, а мамка, да чего же ты плачешь?».

Даже годовалый Федикъ, въ худой рубашеночкѣ, еле прикрывавшей его крохотное тѣльце, застывшій до синевы, подымалъ свою головку, прислушивался къ тревогѣ и поспѣшно ползкомъ по полу, направлялся къ мамѣ. И на него крошечку Федю, грусть семьи, отражалась тревожно.

—Нѣтъ, дѣтки ,это я такъ, я не плачу, успокойтесь, играйте себѣ съ Богомъ. Я вспомнила что-то такое жалкое—жалкое и у меня закапали слезы.

Ага! это ты, мамка, вспомнила про нашу умершую Лелечку, знаю ты всегда какъ вспомнишь ее такъ и плачешь!—Вскрикнула Надюся и побѣжала опять въ кухню. Дѣтки мало по малу возвращались къ играмъ.

А вытертые глаза Ольги Сергѣевны опять покрывались влагой и тяжелыя думы и воспоминанія, еще рѣзче начинали душить ея сердце, она крѣпилась чтобы не зарыдать вслухъ. Ей больно было снова и снова опечалить дѣтей и сорвать ихъ занятія, ихъ невинныя игры.

А въ головѣ воспоминанія за воспоминаніями всплывали и пережитое смѣшалося съ такимъ же безпросвѣтно-печальнымъ ея настоящимъ и безотраднымъ будущимъ...

Вспомнила она себя, молодою, полною силы и здоровья, дѣвушкой, и хоть жилось ей не очень то хорошо и тогда, но она служила и работала и была одна. Минуты свободы, проведенныя среди подругъ или въ компаніи молодежи скрашивали ея трудовую жизнь, и послѣ минутъ игриваго время провожденія она опять спѣшила на службу, на работу въ больницу къ вольнымъ и невольнымъ больнымъ, за которыми тамъ ухаживала, до слѣдующаго такого же свободнаго часочка.

Она молодая, красивая, жизнерадостная и за нею увивались, о какъ это ее смѣшило тогда.

Въ памяти, быстро промелькнули и ея послѣдняя поѣздка въ губернскій городъ, знакомство съ молодымъ человѣкомъ, внезапная и страстная его любовь къ ней, предложеніе, церковь, вѣнчаніе, скромную свадьбу, наивныя молодыя мечты ея молодого мужа, мечты обсолютно невыполнимыя въ житейской грязи.

Вспомнила она, первыя досадныя его неудачи, постепенное свое разочарованіе и вотъ уже десятилѣтнюю безпросвѣтную лямку, въ скоро—нажитой большой собственной семьѣ, при постоянно скудныхъ средствахъ мужа, правда бьющагося, какъ рыба объ ледъ, на этой проклятой желѣзнодорожной службѣ, и кромѣ вѣчныхъ недостатковъ и горя ничего больше не приносящей.

Мужъ ея, какъ поступилъ конторщикомъ на дорогу, такъ вотъ десятый годъ и остается такимъ, и одна радость, только въ томъ, что поступалъ на 30 рублей въ мѣсяцъ, а на десятый годъ положили ему министерское жалованіе 40 рублей въ мѣсяцъ.

Живи какъ хочешь!

Безпросвѣтная и постылая жизнь!

Винить мужа такъ нѣтъ, она не видитъ въ немъ такихъ недостатковъ, которые были причиной тяжелой ея доли. Онъ такъ же десятый годъ не щадитъ своего здоровья и кромѣ службы, всю свою свободу, употребляетъ на выучиваніе разныхъ и многихъ правилъ желѣзнодорожной мудрости. Онъ исполнителенъ, аккуратенъ, усидчивъ и энергичный; онъ старается заслужить вниманіе начальства, но бѣда въ томъ, что онъ зараженъ мятущимся духомъ, духомъ ищущимъ какую то правду и не могущимъ незамѣтно проходить передъ всякой неправдой.

Поэтому то весь его трудъ, вся его энергія по службѣ, были напрасными: начальство относилось къ нему съ подозрѣніемъ и на его трудъ какъ бы не обращало вниманія, и даже наоборотъ, малѣйшее вольное или невольное упущеніе, случайность, порождали отъ начальства разные замѣчанія выговоры, предупрежденія.

И это тянется вотъ уже десятый годокъ, десятый годъ она живетъ, буквально, по поговоркѣ, —день да ночь и сутки прочь. Но что это за день, но что это за ночь, если съ каждымъ приходомъ мужа со службы, приходится встрѣчать его съ вопросомъ—ну, какъ, все ли благополучно у тебя ,не принесъ ли замѣчанія, выговора, предупрежденія и не уволенъ ли совсѣмъ?

Господи, что же это за жизнь?—жить, трудиться и не быть покойнымъ за завтрашній день.

Очевидно начальству, поступающему такъ, нѣтъ никакого дѣла до мукъ этихъ людей.

Очевидно оно спокойно пишетъ сотни тысячъ подобныхъ бумажекъ, очевидно оно это начальство не можетъ поставить себя на мѣсто этихъ людей.

Недавно, нѣсколько дней назадъ, когда мужъ Ольги Сергѣевны спалъ, она взяла его тужурку, чтобы наложить на нее заплату, и совершенно случайно изъ кармана этой тужурки, вывалились свернутые листочки бумаги. Развернувъ ихъ она прочитала:

«...Объявите подъ расписку на семъ же конторщику вашему Ипполиту Красному, что за неоднократно имъ выраженное некорректное отношеніе къ начальству, согласно вашихъ донесеній и дабы прекратить деморализующее вліяніе на служащихъ ввѣренной вамъ станціи, онъ будетъ смѣщенъ въ вѣсовщики на малую станцію, съ предупрежденіемъ, что при повтореніи будетъ уволенъ отъ службы.....

Начальникъ Движенія Шкуродеровъ.

А въ другой прочитала:

... Согласно рапорта вашего отъ 15 сентября за № 1730 за сонъ на дежурствѣ, объявите конторщику вашему Ипполиту Красному, что мною онъ представленъ къ смѣщенію въ конторщики безъ права дежурства.

Ревизоръ Движенія 9 уч. Хужежандармовъ.

Вотъ тебѣ и на! Десять лѣтъ онъ бился, десять лѣтъ трубилъ, не зная ни минуты покоя и на—поди, такой сюрпризъ, за что же, вѣдь онъ вотъ уже другой мѣсяцъ дежуритъ по 16 часовъ къ ряду и отдыхаетъ только 8 часовъ. Какъ же тутъ не заснуть!

Нѣтъ, очевидно, начальство думаетъ что конторщикъ не человѣкъ, что въ немъ не должно быть слабостей людскихъ.

Но такъ или иначе отъ него отнималось дежурство, за которое ему платили 15 рублей въ мѣсяцъ сверхъ жалованія, а это для семьи былъ цѣлый кладъ, цѣлое состояніе. Холодный потъ выступилъ на лбу у бѣдной Ольги Сергѣевны и обычныя мрачныя мысли забурлили въ ея головкѣ.

И среди этихъ мыслей, живо ей представилась картина угона со службы одного изъ сослуживцевъ ея мужа:

—Вотъ онъ бѣдняга стоитъ понуривъ голову у телѣги,нагруженной жалкими пожит ками,и не знаетъ куда двинуться, а вокругъ телѣги малъ-мала-меньше въ рваныхъ зипунишкахъ топочутъ отъ холода и плачутъ дѣти; убитая, отчаяннымъ положеніемъ безумно водитъ вокругъ глазами его жена, держащая у своей груди ребеночка. Къ телѣгѣ подбѣжала дѣвочка, лѣтъ 14, дочка хозяина домика, въ которомъ этотъ уволенный снялъ было квартиру, и предупредила чтобы они не ѣхали къ нимъ, такъ какъ отецъ передумалъ и не желаетъ пустить ихъ къ себѣ на квартиру.

Осенній холодный вѣтеръ то съ шумомъ и свистомъ взрывался, то затихалъ, моросилъ мелкій, пронизывающій дождикъ.

Извозчикъ, услыхавъ, сообщеніе хозяйской дѣвушки, заворчалъ и грубо заговорилъ—вишь какой баринъ, не сумѣлъ служить, вотъ теперь какъ знаешь! Ну, да что же долго ли я буду стоять, вели вести куда нибудь, а то свалю на земь твои вещи и уѣду, мнѣ то что время губить понапрасну, пожалуй и за извозъ не заплатишь.

Это чужое бездомное горе, ей было близкимъ, понятнымъ. Боже, она ждала того же. Что же дѣлать! И Ольга Сергѣевна направила свои печальные очи на пятерыхъ дѣтей, копошившихся въ кухонкѣ. Ужасъ обнялъ ее душу, мрачныя мысли рисовали ей такую же мрачную картину, которую припомнила она только что.

Зачѣмъ же, зачѣмъ же она выходила замужъ, сколько бы лучше она сдѣлала, оставшись одной. Десять лѣтъ непрестанной сутолоки, переѣздовъ съ квартиры на квартиру, ежедневныя заботы, среди вопіющаго недостатка о дѣтяхъ—накормить, напоить, одѣть ихъ. Жизнь подъ вѣчнымъ ежеминутнымъ страхомъ быть вышвырнутыми со всей семьей на улицу, куда пойдешъ гдѣ приклонишь голову и гдѣ обрѣтешь кровъ и пищу, Ни кола, ни двора, только уйма дѣтей.!

И такъ вотъ—у того штанишки дорываются, у той оголилися плечики изъ подъ кофточки, а тому рубашеночки перемѣнить нѣтъ.... все нужно, все нужно, а откуда возьмешь: грошей мужниныхъ за службу, еле хватаетъ на пропитаніе, и то на какое пропитаніе—хоть бы хлѣбъ, да картошка была.

И Ольга Сергѣевна положила свою работу на подоконникъ, склонилася и закрывъ обѣими руками лицо, неудержимо и безпомощно зарыдала. Но возня дѣтей заставила ее взять себя въ руки, быстро отеревъ слезы, она уставилась глазами въ окно. На ея измученномъ лицѣ,въ ея глазахъ свѣтилася такая скорбь, которая была въ состояніи двинуть горы и развѣ нетронуть озвѣрѣлыя сердца сытаго начальства.

Маленькая Надя вбѣжала къ мамѣ и быстро выбѣжала къ братьямъ и сестрамъ вопрошающе оповѣстила—мама опять плачетъ, чего она плачетъ? Опять маленькая радость дѣтской жизни затмилися грустью и на глазенкахъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ опять появилися слезы.

Ольга Сергѣевна вошла къ дѣтямъ заговорила:—не плачьте дѣтки, жизнь ваша впереди. Богъ знаетъ что будетъ съ вами, играйте не тужите, это я такъ вспомнила кое-что.

Дѣвочка Надя стояла на подоконникѣ окна, тыкала пальцемъ въ окно и говорила.

—А посмотри мама вонъ пошелъ нашъ ревизоръ съ нянею и съ дѣтками, у—у какъ красиво одѣты они, а мы всѣ въ старомъ и съ дырками, вотъ они съ нами и не хотятъ играть, а нянька ихъ насъ всегда гоняетъ отъ нихъ и говоритъ—уходите отъ насъ вы уличныя. Мамка, вотъ если бы и насъ ты такъ одѣла, насъ бы они не гоняли.—

Вошелъ, смѣнившійся съ дежурства, мужъ Ольги Сергѣевны, утомленный разбитый. . . .

Дочурка Надя соскочила съ подоконника схватила отца за руку и, таща къ мамѣ, недоумѣнно допытывалась у него:

—Папа, скажи намъ, чего она плачетъ?

Григорій Желѣзнякъ.

Типо-литографія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Московскаго узла.

Редакторъ **Григорій Желѣзнякъ.**